

УДК 94(510).07: 808.2

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАКОВ-АЛБАЗИНЦЕВ

ЛЮ Ифэн

бакалавр

Хэбэйский педагогический университет

г.о. Шицзячжуан, Китай

ГОНЧАРОВ Артем Сергеевич

бакалавр

Orcid ID: 0000-0002-3244-8155

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

г. Ставрополь, Россия

В статье был проведен системный анализ истории военной повседневности и духовной культуры, а также языкового сознания казаков поселения Албазин. Актуальность темы исследования заключается в необходимости более детального изучения особенностей синтеза православной веры казаков и комплекса китайских народных верований во второй половине XVII – XX вв. Цель исследования – комплексный анализ языкового сознания и духовной культуры казаков-албазинцев, их историко-культурного пути развития.

Ключевые слова: казаки-албазинцы, Маньчжурия, языковое сознание, духовная культура, христианство, шэнизм, концептосфера.

Введение. Проблема исследования языка и культуры казаков-албазинцев на сегодняшний день является недостаточно изученной с позиции лингвокультурологии и исторической науки. В частности, малоизученным и в известном смысле спорным продолжает оставаться вопрос о взаимосвязи языкового сознания албазинцев и их духовной культуры, представляющей собой особый синтез ортодоксального христианства и шэнизма – комплекса китайских народных верований.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются справочные издания [6], статистические данные [7], публикастика [8; 9] и источники личного происхождения [1], включая первое подробное исследование языка и культуры казаков-албазинцев В.П. Петрова «Албазинцы в Китае» [3].

В методологический аппарат данного исследования входят специально-исторические и лингвистические методы. Комплекс методов реализуется в дискурсивной форме. Специально-исторические методы: нарративный, идеографический, историко-генетический, историко-системный, историко-типологичес-

кий, структурный. Лингвистические методы: лингвистического наблюдения и описания, извлечения лингвистических данных, сравнительно-лингвистический, лексико-семантический, контекстный.

Дискуссия. Казаки-албазинцы – потомки зажиточных амурских казаков, служивших у даурского князя Албазы, в городке вблизи слияния рек Шядки и Аргуни. Своим первым атаманом албазинцы считают Ерофея Павловича Хабарова, решившего завоевать известность среди китайской знати XVII в. военными заслугами и, в целом, фактом службы у именитого князя. В 1650 г. Хабаров построил форт Албазин возле княжеского дома и заявил об отделении казаков-албазинцев от амурского казачества. К 1651 г. из форта возникло небольшое поселение, которое стало привлекать российских купцов и промышленников. Князь Албаза поступил мудро: он не стал отказываться от подданства китайского императора, но согласился сотрудничать с представителями российского царя.

Князь Албаза видел, как в 1640-е гг. казаки умело противостояли княжеской охране,

отбивая скот и грабя ясаки соболей. Если император Шунь-чжи предпочитал императивный метод разрешения конфликта, ежегодно отправляя на Амур тысячную армию, то Албаза хотел заручиться поддержкой казаков, окружить себя «экзотичной», на его взгляд, охраной, вооруженной «причудливыми заморскими орудиями» (т. е., шашками). И все же, казаки-албазинцы не смогли найти общий язык с князем и китайским императором. Это привело к тому, что поселение Албаза в 1651 г. превратилось в острог. Видя такое развитие событий, амурское казачество решило пойти штурмом на земли князя. Тогда китайский император вновь отправил многочисленное войско. В ходе военных столкновений острог был разрушен [3, с. 3].

В 1661 г. пятидесятник Никифорко Черниговский из илимского острога решил собрать албазинцев и обустроить на даурской земле новое поселение. Первым делом были созданы обширные пашни, созданы загоны для скота и открыты лавки для продажи и чистки оружия. В 1662 г. к власти в Китае приходит новый император Кан-Си. Поначалу его «политика умиротворения» мало чем отличалась от подхода Шунь-чжи. Однако, понимая необходимость поддержания мира на нейтральной территории, Кан-Си согласился с тем, что на ней могут проживать казаки, так как из докладов, полученных годами ранее, императору стало известно, что многие представители российского казачества обладают широкими правами и привилегиями, а некоторые из них и вовсе не считают себя российскими подданными [3, с. 9].

Казаки-албазинцы полностью обустроили новое поселение и привлекли внимание российского духовенства. В 1671 г. старец Гермоген согласился заложить близ Албазина монастырь во Всемилоственного Спаса. Позже было начато строительство Церкви Воскресения Христова, попавшей под защиту казаков. 1671 г. историки считают отправной точкой проникновения православия в Китай. Цинские войска, караулившие границу, интересовались православной культурой и часто с позволения командира посещали церковь. Справедливо отметить, что с этого времени отношение китайского императора

к албазинцам становится позитивным, хотя и маньчжурская администрация по-прежнему с недоверием относится к казакам [5, с. 24-25].

Кан-Си был обеспокоен необходимостью укрепления Северной Маньчжурии, поэтому казачьи поселения не привлекали его внимания настолько, чтобы можно было говорить о взаимодействии албазинцев непосредственно с государственной властью. Обострение отношений приходится на последнюю четверть XVII в., когда Кан-Си решил, массово создавая тюрьмы и крепости близ границы, оттеснить казаков. Албазин оказался тем поселением, которое дольше всего сопротивлялось воле императора. Но, в конце концов, Кан-Си сломил казаков численным превосходством. В 1682 г. против четырехсот албазинцев с тремя пушками вышла целая армия, состоявшая из пятнадцати тысяч человек с сотней пушек и пятьюдесятью осадными орудиями. Старец Гермоген уговорил атамана сдаться. В китайской историографии этот поход Кан-Си получил название «Пин-тин ло-ча фанлюэ» («Метод умиротворения русских») [8].

Опасаясь гнева российского царя, Кан-Си сразу же приказал обращаться с казаками как можно мягче. Часть казаков стали китайскими подданными, часть остались в Албазине, вновь ставшем острогом, другие же решили вернуться в состав амурского казачества. В соответствии с договором от 27 августа 1689 г., Албазин продолжал функционировать, а Россия уступала эти земли Китаю. Конец XVII в. и почти все первое десятилетие – период бурного роста острога, обретения казаками-албазинцами нового языкового сознания. Видя интерес китайцев к православию, Кан-Си попросил атамана раскрыть им суть верования и поспособствовать духовного просвещению тех, кто того страстно желал. Взамен Кан-Си предоставил казакам в пользование различную религиозную утварь, буддийскую кумирню и шелковые одеяния. Все албазинцы были причислены к служилому военному сословию [6].

Подавляющая часть казаков предпочли остаться в остроге и развивать его в сельскохозяйственном направлении. Из молодежи, крещенных калмыков и бурят была образована рота Гудэн [1]. Так, в первой половине

XVIII в. сложился особый тип албазинцев, в том виде, в каком мы знаем эту казачью группу на сегодняшний день. Албазинцы хорошо знали сельское хозяйство, виноградарство и виноделие, животноводство и, главным образом, коневодство, свободно говорили на русском языке (с примесью сибирских диалектов) и активно изучали китайский. Самым достойным занятием считалась служба в императорской гвардии, к этому стремилась вся молодежь [6].

В середине XVIII в. языковое сознание албазинцев начинает заметно изменяться. Концептосфера насыщается новыми эмоциональными, культурными, религиозными и мистическими концептами, свойственными для шэнизма [9]. Религиозная картина мира включает в себя новые образы, представления и паттерны, несвойственные больше ни для одной казачьей группы. По факту, шэнизм отражал собой языческое миропонимание, с чем боролись старейшины и навещавшие албазинцев родственники. Как мы знаем, российское православие в XVII в. действительно во многом было смещено к арианству и даже язычеству, особенно, если учитывать то, что Русь обошла принятие Иерусалимского устава. Поэтому, можно сказать, что языческий комплекс народных верований гораздо дольше сохранялся в валёрной системе казаков, обладавших наиболее устойчивым народным сознанием.

Больше половины албазинцев относили себя к старой вере. Их духовная культура легко поддалась языческому влиянию. При этом, довольно интересным с лингвокультурологической точки зрения, является факт того, что те же казаки-некрасовцы не смогли воспринять Ислам за годы проживания в Османской империи, а казаки, расселившиеся по полуострову Индостан, относительно безболезненно усвоили индуизм и даже джайнизм. На примере албазинцев мы видим, что ни шэнизм, ни буддизм не противоречили мировоззрению и миропониманию казаков, тогда как конфуцианство и легизм практически не получили распространения, были отвергнуты [7].

Видя интерес к китайской культуре и религии со стороны албазинцев, пекинское

правительство начало предпринимать активные меры по усилению торговых и экономических связей с Россией. Албазинцы стали тем звеном, которое не доставало обеим странам для формирования профессиональных торговых отношений: и у Китая, и у России в начале XVIII в. отсутствовали переводчики, хорошо знакомые с русским и китайским языками одновременно [2]. Данная тенденция способствовала возникновению в 1758 г. первой китайско-русской школы, в которой обучались все казаки-албазинцы и крещенные китайцы [7].

Еще до возникновения тесных социальных связей между русскими и китайцами, склонность к синтезу шэнизма и православия заметил митрополит Игнатий, написавший местному священнику Максиму письмо, в котором выражал надежду на то, что китайские жители смогут проникнуться православной верой: «...Радуюся аз о твоём исправлении; аще и в плене прибываеши, но сам, с Божиею помощию, пленяеши человеки неведущия в познание евангельския правды: и сего ради, возлюбленне, да не смущается, ниже да оскорбляется душа твоя и всех плененных с тобою о вашем таковом случае, понеже Божии воле кто противитися может? А пленение ваше не без пользы китайским жителем, яко Христовы православныя веры свет им вами открывается, и вам спасение душевное и небесная мзда умножается» [3].

Результаты. На протяжении всего XIX в. синтез православия и шэнизм был отличительной чертой Албазина, на основе духовной культуры был построен диалог между двумя государствами. В дальнейшем, это могло бы способствовать теснейшей связи молодых поколений, однако, в 1900-е гг., в период Боксерского восстания, албазинцы были вынуждены мигрировать, войдя в одну из многих групп казачьей эмиграции, несмотря на то, что сами уже были носителями китайского языкового сознания, что прослеживалось как на идейно-образном уровне, так и в отношении семиосферы, концептосферы [4].

После того, как к власти в Китае пришла коммунистическая партия, албазинцы наконец-то смогли развить жилищную культуру, создав из острога Албазин небольшой горо-

док. Здесь следует отметить, что казаки-албазинцы не захотели возвращаться на свою историческую родину по двум причинам: во-первых, в начале XX в. преданность русского казачества была обусловлена не верностью императорской власти, а исключительно православной вере, тогда как албазинцы уже во многом не были православными в прямом смысле слова; во-вторых, приходит к власти большевиков и процесс раскачивания 30-х гг. вызвали природный страх у албазинцев, о чем свидетельствует исследование советского философа В.П. Петрова «Албазинцы в Китае», изданное в Мюнхене в 1956 году [3].

Заключение. Итак, в истории сохранился

особенный образ казаков-албазинцев, оказавшихся оторванными от своей родины в силу сложившихся обстоятельств, но не переставших выражать чувство сопричастности с Россией и ее жителями. На сегодняшний день Правительство Российской Федерации активно способствует сохранению самобытной культуры казаков-албазинцев, а в Пекине, вокруг территории российского посольства, проживает за государственный счет свыше 50 казачьих семей, которые, хотя уже и не говорят по-русски, но сохраняют преданность православной вере. На наш взгляд, казаки-албазинцы являются неотъемлемой частью многовекового диалога российской и китайской культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартенев Ю.П.* Герои Албазина и Даурской земли // Русский Архив. – 1899. – № 2. – С. 304-336.
2. *Дин Шу Цинь* Преподавание русского языка в Китае в начале XVIII в. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2008. – № 4. – С. 27-31.
3. *Петров В.П.* Албазинцы в Китае. – Мюнхен: Изд-е книжного магазина «VICTOR KAMKIN», 1956. – 48 с.
4. *Рычило Б.П.* Русские в Пекине / Б.П. Рычило, М.В. Солнцева. – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/632/745.html> (дата обращения: 07.03.2022).
5. *Тань, Тяньюй* Начало русских православных миссий в Пекине // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 23-30.
6. *Kenneth S. Latouirette.* A Short History of the Far East. New York: The Macmillan Co., 1947. 776 p.
7. *Lattimore O.* Manchuria. Cradle of Conflict. New York: The Macmillan Company, 1935. 343 p.
8. *Pavlovsky M.N.* Chinese – Russian Relations. New York: Philosophical Library, 1949. 194 p.
9. *Ravenstein E.G.* The Russian on the Amur. London: Trubner and Co., 1861. 412 p.

HISTORICAL ANALYSIS OF THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AND SPIRITUAL CULTURE OF THE COSSACKS-ALBAZINIANS

LIU Yifeng

bachelor

Hebei Normal University

Shijiazhuang, China

GONCHAROV Artem Sergeevich

bachelor

Orcid ID: 0000-0002-3244-8155

Stavropol State Pedagogical Institute

Stavropol, Russia

The article carried out a systematic analysis of the history of military everyday life and spiritual culture, as well as the linguistic consciousness of the Cossacks of the Albazinians settlement. The relevance of the research topic lies in the need for a more detailed study of the features of the synthesis of the Orthodox faith of the Cossacks and the complex of Chinese folk beliefs in the second half of the 17th - 20th centuries. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the linguistic consciousness and spiritual culture of the Albazinians Cossacks, their historical and cultural path of development.

Key words: Albazinians, Manchuria, linguistic consciousness, spiritual culture, Christianity, Shengism, concept sphere.
